DOI: 10.31857/S013038640021537-8

© 2023 г. А.О. ВИДНИЧУК

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ XVIII века: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Видничук Анастасия Олеговна – младший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва, Россия).

E-mail: avidnichuk@hse.ru

Researcher ID: AAC-6690-2020

В статье использованы результаты проекта «Вестернизация как описательная модель истории России Нового времени: критика и поиск альтернатив», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Аннотация. Историки утверждают, что Новое время было переломным периодом для женской части населения европейских стран. Ренессанс, Реформация, научная революция и другие события и процессы изменили гендерные роли и расстановки в обществе. Чтобы отследить качественные характеристики этих изменений, ученые обращаются к разным сферам и аспектам жизни женщин прошлого: семье, сексуальности, работе, религиозности. Одной из таких сфер изучения в последнее время стала преступность. История женской преступности на Западе сегодня является развитым и актуальным направлением исследований. В предлагаемой статье анализируется западная историография по данной проблематике, выявляются особенности исторического контекста, источников и методов работы с ними, а также намечаются возможные подходы к изучению женской преступности в России Нового времени. Изучение женской преступности в России XVIII в. не только возможно, но и вполне перспективно. Тем не менее необходимо учитывать и постоянно держать в уме разницу между российским и европейским историческим контекстом, равно как и между характером источников. При правильном подходе изучение женской преступности в России и сопоставление ее с европейской открывает для историка возможность взглянуть на российское общество и государство означенного периода под новым углом. Кроме того, изучение женской преступности дает богатый материал по практике правоприменения, а также позволяет значительно дополнить и расширить существующее представление о той роли, которую играла женщина в русском обществе XVIII в.

Ключевые слова: женская преступность, Новое время, петровские реформы, историография, судебные материалы.

A.O. Vidnichuk

Female Criminality in Eighteenth-Century Russia: Formulating a Research Problem

Anastasia Vidnichuk, Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: avidnichuk@hse.ru

Researcher ID: AAC-6690-2020

The article uses the results of the project “Westernization as a descriptive model of the History of Modern Russia: Criticism and the search for Alternatives”, carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2022.

Abstract. Historians argue that the Modern Era was a turning point for the female population of European countries. The Renaissance, the Reformation, the Scientific Revolution and other major events

and processes changed gender roles and social customs. To trace the qualitative characteristics of these changes, scholars examine different areas and aspects of women's lives in the past: family, sexuality, work, religion, and crime. The history of female criminality in Europe is now a well-developed and highly relevant field of research. In this article the author analyses Western historiography on the subject, identifies peculiarities of the historical context, sources and methods of processing them, and outlines possible approaches to the study of female criminality in modern Russia. The study of female criminality in eighteenth-century Russia is not only possible but also very promising. Nevertheless, scholars need to take into account the difference between the Russian and European historical contexts, as well as the nature of the sources. If properly approached, the study of female criminal behaviour in Russia and its comparison with European experience offers the historian an opportunity to look at Russian society and government in the period in question through new perspectives.

Keywords: female criminality, Modern Era, Petrine reforms, historiography, court documents.

Изучение женской преступности находится на стыке двух исторических дисциплин, зародившихся во второй половине прошлого века и развивавшихся сначала обособленно, но довольно скоро вошедших в тесное взаимодействие — новой социальной истории и гендерной истории.

Новая социальная история обратилась к изучению структуры и механизмов функционирования общества, индивидуальных стратегий исторических акторов, способам восприятия явлений и повседневным практикам¹. Основная заслуга переродившейся дисциплины состояла в том, что она усомнилась в четкости, простоте и статичности картины мира прошлого, созданной предшествующими поколениями историков, и выдвинула предположение, что общество было гораздо более сложно устроенным, дифференцированным, изменчивым и неоднородным, чем считалось. Такой подход не только позволял ввести в фокус изучения социальные группы, которым ранее не отводилось хоть сколько-то значимое место в исторических исследованиях, но и прямо требовал этого. Одной из таких групп были преступники.

К тому времени, как историки начали интересоваться преступностью как социальным феноменом прошлого, криминологи, социологи и антропологи уже накопили значительное количество объяснительных теорий: о физиологической склонности индивидов к преступности², о преступности как признаке здоровья общества и канале выхода негативной энергии³, о преступности как следствии невозможности достижения культурно значимых целей посредством доступных институционализированных средств⁴, о преступности как способе разрешения существующих в обществе социальных и экономических противоречий⁵, о социальном контроле как потенциальном источнике расширения девиации⁶ и т.д.

Задача историков состоит не столько в попытках выявления причин преступности, сколько в выяснении роли этого феномена в функционировании общества прошлого, в демонстрации его социальной значимости, а также изменчивости и ситуативности самого понятия «преступное» на протяжении исторических эпох. Кроме того, изучение преступности позволяет исследователю увидеть отклонение от нормы, установленной государством, проследить персональную историю, судьбу конкретного человека, степень

¹ Об этом процессе см., например: *Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015.

² *Ломброзо Ч., Ферреро Г.* Женщина преступница и проститутка. Киев; Харьков, 1897; *Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы. Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб., 1902.

³ *Дюркгейм Э.* Правила социологического метода. М., 2021. С. 120–121.

⁴ *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.

⁵ *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.

⁶ *Becker H.S.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963.

интегрированности делинквентов в социум и уровни дифференциации внутри криминального сообщества.

Что касается гендерной истории, то она проделала долгий путь от амбициозных попыток пересмотреть существующую периодизацию и «написать особую “женскую историю”» до изучения режимов взаимодействия мужчин и женщин внутри общества и влияния гендерного фактора на решения людей в прошлом⁷. Иными словами, постепенно исследователи осознали, что наиболее плодотворный подход — писать не историю мужчин или историю женщин, а использовать категорию «гендер» для анализа общества наряду с категориями «класс», «сословие», «раса» и др.⁸ В соответствии с этим подходом работает, например, германский историк Улинка Рублак, изучившая «женский опыт столкновения с законом». В своей монографии о женской преступности в Германии раннего Нового времени она показывает, «как гендер формировал конфликт» в обществе и «как жили женщины, оказавшиеся на обочине жизни общества»⁹.

Женская преступность интересует гендерных исследователей как одна из немногочисленных сфер, где можно «услышать» голос обычно безмолвной части населения, увидеть реальную степень вовлеченности женщин в жизнь государства и общества. Почерпнутая из источников информация помогает преодолеть ложные стереотипы и воссоздать «многомерность» и неоднозначность многих социальных процессов в прошлом.

Между тем выражение «женская преступность» при всей своей внешней очевидности представляет терминологические трудности. В историографии оно используется как для обозначения преступлений, совершаемых женщинами (*female crimes*) (это касается и преступлений, которые принято считать исключительно женскими, как, например, детоубийство, и преступлений, в которых обвиняемыми выступают женщины), так и для совокупности тенденций, статистических показателей, общей направленности преступности, специфического поведения преступниц и т.д. (*female criminality*). Но уже постольку, поскольку оно существует, в нем заложена концептуальная составляющая: оно противопоставляется мужской преступности и манифестирует особенность женской преступности, ее непохожесть на мужскую. Но одного различия по полу, думается, мало для того, чтобы делать вывод о несомненной разности поведения, в том числе преступного. Термин «женская преступность» нельзя употреблять как нечто само собою разумеющееся прежде, чем эмпирически будет доказано наличие разницы между сущностью женской и мужской вовлеченности в преступные деяния. Кроме того, существует еще одна опасность непроясненности терминов, которая лежит в методологической плоскости. С одной стороны, женскую преступность сложно, даже практически невозможно изучать «в вакууме», т.е. саму по себе, без сравнения с мужской, с другой стороны, поскольку термины «преступность» и «мужская преступность» вне специальных гендерных исследований обычно не разграничиваются¹⁰, есть риск, что мужская преступность начнет восприниматься как фон, как норма, а женская преступность — как отклонение от нормы.

Новое время — важный этап в изучении преступности в целом и женской в частности. Изменение самого характера преступности¹¹, отношения к этому явлению и способам

⁷ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд. М., 2009. Гл. 4.

⁸ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. Ч. 1. Гл. 1.

⁹ Rublack U. The crimes of women in early modern Germany. Oxford, 1999. P. 2.

¹⁰ Durston G. Victims and Viragos: Metropolitan Women, Crime and the Eighteenth-Century Justice System. Bury St Edmunds (UK), 2007. P. 1.

¹¹ Британский историк Клайв Эмсли, в частности, отмечал, что с развитием экономики и переходом к капитализму появились новые виды преступлений, например банковские аферы, которые было гораздо сложнее расследовать, чем мелкие кражи (*Emsley C. Crime and Society in England 1750–1900*. Harlow; New York, 2005. P. 298). А Грегори Дарстон упоминает о значительном снижении числа убийств в Европе начиная с конца Средних веков и до середины XX в. (*Durston G. Op. cit.* P. 60).

наказания правонарушителей¹², восприятие телесности и физической боли, становление новой системы ценностей, а также возникновение новых институтов — профессиональной полиции, детективных агентств, прокуратуры¹³ и т.д. — все это не просто черты новой современной эпохи, но и одни из первостепенных трансформаций, благодаря которым мы вообще можем говорить о модерности. В то же время женской части общества переход к Новому времени, проявившийся в генезисе капитализма и усложнении общественных отношений, сулил потерю и тех незначительных возможностей, которыми она обладала в Средние века¹⁴. XVIII в. был последним этапом, когда в некоторых европейских странах еще допускалось участие женщин в производстве и денежных операциях, управление собственностью и по крайней мере эпизодическая вовлеченность в публичную сферу. В XIX в. области публичного и частного поляризируются, меняется отношение к браку и женской сексуальности, возникают новые стандарты поведения и новый идеал жены и матери, оформляется иная гендерная идеология, которая одновременно ограничивает сферу женского влияния домашним хозяйством, сильно урезает индивидуальную свободу женщины и понижает ее авторитет внутри семьи.

На сегодняшний день в зарубежной историографии насчитывается несколько сотен статей и монографий, посвященных женской преступности Нового времени, была разработана методология, введено в оборот множество ранее не изученных источников, а уже известные получили новую интерпретацию. Западные исследователи активно осваивают документы Нового времени, сопоставляя женские практики с мужскими и получая результаты, зачастую коренным образом меняющие представления об обществе того времени. Историки работают в разных концептуальных рамках: в рамках социальной, гендерной или правовой истории. Избранным углом зрения определяется используемый инструментарий.

Разумеется, наиболее очевидным источником для изучения женской преступности во все времена и во всех европейских странах являются судебные и следственные материалы. Устройство судебной системы, правила и способы ведения следствия и фиксации показаний участников судебного дела были неодинаковы в разных странах, однако можно выделить некоторые особенности, характерные для европейских судебных документов и правовых систем и представляющие первостепенную важность для историка. Во-первых, довольно высокая степень сохранности документов. Во-вторых, во многих европейских странах уже в XVII в., а зачастую и раньше, существовали низовые местные суды, которые возглавлялись судьей из местных аристократов и в которых разбирались мелкие гражданские иски и назначались легкие наказания вроде штрафа или обязательства соблюдать мир. Участники разбирательств обычно имели возможность лично, в неформальной обстановке поговорить с судьями этих судов, которые в свою очередь были сильно интегрированы в местное сообщество и руководствовались не всегда исключительно буквой закона.

Изучение документов этих местных гражданских судов позволяет работающим с ними исследователям увидеть уровень правовой культуры граждан (иногда они целенаправленно обращались в эти суды, потому что шансы выиграть дело там были выше, пусть и получив меньшую выгоду), обнаружить правонарушения, которые не фигурируют в судах более высокой инстанции (например, брань, мелкие побои), отследить режимы существования отдельного сообщества и т.д.¹⁵ В-третьих, в XVIII в. во многих европейских странах уже был достигнут сравнительно высокий уровень грамотности населения, что позволяло людям активно участвовать в разбирательстве, и практически во всех судебных инстанциях фиксировалась прямая речь участников судебных процессов, так что истцы и обвиняемые могли свободно выстраивать собственные нарративы, использовать те или

¹² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

¹³ Emsley C. Crime and Society in England 1750–1900. Harlow; New York, 2005. Ch. 9; Акельев Е.В. «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида» // Ab Imperio. 2018. № 3. С. 257–304.

¹⁴ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Гл. 4.

¹⁵ Hurl-Eaton J. Gender and Petty Violence in London, 1680–1720. Columbus, 2005.

иные стратегии защиты и обвинения, и в зависимости от их убедительности судьи принимали решения¹⁶. Эта особенность источников позволяет исследователям анализировать дискурсивные практики исторических акторов.

Здесь же нужно отметить, что существование некоторых преступлений и наказаний обуславливалось культурной спецификой региона/страны. В частности, в большинстве европейских стран в XVIII в. уже не было крепостного права и существовал рынок вольнонаемных работников, что во многом определяло характер преступности в городах (например, часто случались конфликты между хозяевами и служанками). Кроме того, еще со Средних веков европейские города имели особый статус, жить в городе считалось привилегией, и поэтому распространенным видом наказания было изгнание за городскую черту.

Помимо судебно-следственных документов важную, но не очевидную на первый взгляд роль в судопроизводстве играла пресса. Пресса формировала общественное мнение и одновременно служила его рупором. Обличительные статьи, памфлеты, карикатуры – все это пользовалось большой популярностью у населения и могло влиять на ход общественно значимых судебных процессов или выступать карательным механизмом, если правосудие, как считала публика, не восторжествовало.

Третьим важным корпусом источников, специфическим для европейских стран, являются разнообразны трактаты, философские, политические, религиозные, правовые и медицинские сочинения, наиболее известные из которых оказывали серьезное влияние на практику судопроизводства. Применительно к женской преступности можно выделить, например, бытовавшие в Англии XVIII в. идеи о том, что женщины, в отличие от мужчин, сильнее подвержены эмоциям, плохо себя контролируют, нуждаются в мужском руководстве и наставлении и т.д. С другой стороны, в это время распространяются популяционистские идеи, связывавшие благосостояние государства с размером населения, и поэтому беременные женщины обладали особенной ценностью в глазах власти. А поскольку медицина в этом вопросе была неразвита и беременность на малом сроке не диагностировалась, это открывало для женщин, как для жертв, так и для правонарушительниц, возможности для спекуляций и получения некоторых преференций¹⁷.

В западной историографии уже пройден этап накопления фактических сведений, и сегодня историков не очень интересуют количественные данные, фиксирующие долю участия женщин в преступной деятельности, наиболее распространенные среди женщин преступления или отношение государства к женской преступности, выражавшееся через соотношение обвинительных и оправдательных приговоров. Тезисы о том, что в целом показатели женской преступности были ниже, чем мужской, что большую часть преступлений женщин составляли кражи и что женщины не склонны к насилию и жестокости, уже являются очевидными для исследователей женской преступности в Европе Нового времени и не нуждаются в дальнейших подтверждениях. Можно выделить следующие вопросы, которые стоят на повестке дня сегодня¹⁸.

О тенденциях женского участия в преступной деятельности. Основная дискуссия по этому вопросу развернулась вследствие появившихся в 1990-х годах исследований М. Фили. Он доказывал, что, начиная со второй половины XVIII в., в Англии женщины исчезают из уголовного процесса. Историк связывал это с процессом индустриализации, разделившим мир на женскую сферу – приватную, домашнюю, и мужскую – публичную, рабочую. В последующих работах, посвященных женской преступности в Англии или других европейских странах, ученые неизменно возвращаются к этому тезису, подтверждая или опровергая его. К примеру, нидерландская исследовательница М. ван дер Хайден установила, что в Голландии «между 1750 и 1850 гг. преступное поведение

¹⁶ Наиболее известный и удачный пример: *Zemon Davis N. Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford (CA), 1987.

¹⁷ *Hurl-Eamon J. Gender and Petty...* Ch. 4.

¹⁸ *Hurl-Eamon J. Female Criminality in the British Courts from the Middle Ages to the Nineteenth Century // Journal of Women's History*. 2009. Vol. 21. № 3. P. 161–169.

женщин колебалось под влиянием различных факторов, таких как война, демография и юрисдикция, но что тенденции к значительному снижению [количества дел с участием женщин] не было»¹⁹.

О женском насилии. Тезис о том, что женщины совершали меньше убийств, грабежей и других преступлений, предполагающих применение физической силы или использование оружия, стал уже общим местом в историографии. Однако, как считают ныне исследователи, имеет смысл не сравнивать количественные данные о совершенных мужчинами и женщинами насильственных преступлениях, а говорить о разных гендерно-специфичных видах насилия. Иными словами, если раньше историки констатировали несклонность женщин к жестокости на основании их незначительного участия в насильственных преступлениях, то теперь предлагается сменить угол зрения и, во-первых, переосмыслить наши представления о насилии, включив в это понятие брань и нанесение легких телесных повреждений, и, во-вторых, обратить внимание на другие источники: не на уголовные дела, а на гражданские иски²⁰.

Об особенностях совершения женщинами имущественных преступлений. В связи со сравнительно высокой вовлеченностью женщин в кражи, интеракции с крадеными вещами и в другие преступления против собственности историки, как и в случае с насилием, пытаются выявить типичные для женщин и доступные для них способы совершения преступления, специфичное поведение. Если раньше акцент делался на том, что женщины крали, и на том, как это было обусловлено их экономической ролью в обществе²¹, то теперь внимание сместилось на то, какие возможности для совершения преступлений предоставляли женщинам их профессия, одежда, круг контактов и т.д.²²

О криминальных коллаборациях женщин и мужчин. Как пишет английская исследовательница женской преступности Г. Уокер, ранее «женщины в соответствии с их предполагаемой социальной ролью считались в значительной степени зависимыми от руководства мужчин в незаконной деятельности». Однако тщательный анализ источников показывает, что женщины, как правило, совершали преступления в одиночку или кооперируясь с другими женщинами, но не с мужчинами, а значит, «женская преступность не может больше рассматриваться просто как производная от мужской»²³.

Об агентности женщин в суде. Значительное внимание исследователей сосредоточено на выяснении степени самостоятельности женщин в судебном процессе, на их защитных и обвинительных стратегиях, на возможностях влиять на ход дела. Историки, начиная с Н. Земон-Дэвис, пытаются вычлнить гендерно окрашенные дискурсивные практики и элементы защиты и обвинения, классифицировать стратегии на основании социального статуса и образа жизни женщин. Такие исследования демонстрируют разницу в поведении мужчин и женщин в суде, в языке мужских и женских документов. Кроме этого, историков привлекает образ женщины как вершительницы правосудия: не только то, как женщины пытались защитить себя и свою семью, но и их зачастую внесудебное вмешательство в дела, напрямую их не касавшиеся.

О том, как была устроена система правосудия в гендерном отношении. Долгое время в историографии бытовало утверждение, основанное в большей мере на здравом смысле и современных ожиданиях, что суды более мягко относились к женщинам, чем к мужчинам. Сегодня исследователи, анализируя законодательство, судебный процесс и

¹⁹ *Heijden M.P.C. van der. Women and Crime in Early Modern Holland. Leiden; Boston, 2016. P. 15.*

²⁰ Например: *Hurl-Eamon J. Gender and Petty...; Ingram M. "Scolding women cucked or washed": a crisis in gender relations in early modern England? // Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 47–79.*

²¹ *Durston G. Op. cit.; MacKay L. Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789 // Journal of Social History. 1999. Vol. 32. P. 623–639.*

²² *Palk D. Gender, Crime and Judicial Discretion, 1780–1830. Woodbridge, 2006; Walker G. Women, theft and the world of stolen goods // Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts... P. 81–112.*

²³ *Walker G. Women, theft and the world... P. 83, 86.*

приговоры, пытаются понять, так ли это. Некоторые приходят к выводу, что государство было склонно более сурово относиться к женщинам и считать их априори виновными, «ненадежными, невежественными, ветреными и распутными»²⁴, другие – наоборот, отмечают, что судьи не воспринимали женщин всерьез, часто отказывая им в самостоятельности и перекладывая ответственность на их мужей или отцов²⁵, третьи говорят о влиянии гендерных ожиданий и стереотипов на отношение судей и вердикты. К примеру, Г. Дарстон предположил, что сравнительно большое количество оправдательных приговоров в делах об убийствах, совершенных женщинами, может объясняться тем фактом, что летальное насилие ассоциировалось в обществе с брутальностью и маскулинностью, так что в невиновность женщин верили с большей готовностью²⁶.

Кроме того, в последнее время внимание историков привлекают способы, посредством которых судьи определяли виновность и невиновность обвиняемых: при отсутствии разработанных на тот момент криминологических методов судьи придавали значимость проявлениям эмоций, жестам, естественным реакциям подсудимых²⁷. Учитывая, что женщины считались, с одной стороны, более эмоциональными и психически нестабильными существами, а с другой – более греховными и склонными ко лжи, за их эмоциями наблюдали особенно внимательно.

И, вероятно, наиболее важный для историографии вопрос: насколько гендер влиял на преступность. Как представляется, историки все менее склонны принимать за аксиому утверждение, что гендер преступника являлся первоочередным фактором, определяющим способ, причины и мотивы совершения преступлений, а также наказания за них. Очевидно, что гендерный подход позволил переосмыслить многие исторические факты и причинно-следственные связи, однако на сегодняшний день исследователи начали осознавать не только его возможности, но и ограничения. Кажется, слепое и не всегда плодотворное увлечение анализом явлений прошлого исключительно сквозь призму гендера уходит и начинается постепенная реабилитация значимости социальных, экономических и прочих факторов.

Что касается женской преступности в России Нового времени, то специальные работы по этой проблематике отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Лишь отдельные сюжеты – нарушение брачного законодательства и промискуитет, мужеубийство, колдовство, участие в преступных бандах и имущественные преступления, проституция – затрагивались в работах более общего характера. Следовательно, пропустить этап установления базовых тезисов о женской преступности в России и перейти сразу к актуальным вопросам современной зарубежной историографии не представляется возможным.

Наличие такого пробела в историографии, как представляется, связано прежде всего с особенностями развития отечественной исторической науки. Вплоть до XXI в. феномен преступности России раннего Нового времени в социальном контексте вообще не рассматривался. Нельзя не согласиться с Е.В. Акельевым, который пишет, что в работах историков «отсутствовали сведения о конкретных преступниках и преступных группах», а «конкретно-историческая практика применения правовых норм... почти не рассматривалась». Такую ситуацию можно традиционно связать с наметившимся во второй половине XX в. общим отставанием российской исторической науки от западной. Однако странным представляется тот факт, что российские исследователи, довольно быстро воспринявшие новые веяния и начавшие активно разрабатывать историю повседневности или историю ментальностей (активно привлекая при этом судебно-следственную

²⁴ Walker G. Women, theft and the world... P. 31.

²⁵ Durston G. Op. cit. P. 33–36; Walker G. Crime, gender, and social order in early modern England. Cambridge, 2003. P. 201–206.

²⁶ Durston G. Op. cit. Ch. 3.

²⁷ Rublack U. Op. cit. P. 58–60.

документацию, несмотря на сложности, сопряженные с таким ее использованием), тем не менее практически не заинтересовались всерьез историей преступности.

Гендерная история в России также начала развиваться сравнительно поздно. И хотя на сегодняшний день уже существует немало работ как теоретического плана, так и исследований, основанных на первичных источниках, XVIII в. в гендерной историографии по-прежнему представлен весьма скудно. Между тем XVIII в. в истории России — это период реформ, качественного изменения практически всех сторон жизни общества. Разумеется, преобразования не могли не затронуть и жизнь женской его половины, целенаправленно или в качестве побочного эффекта. Кроме того, как показывают исследования западных историков, война неизбежно влияет на динамику и тенденции преступности внутри страны, ведущей ее. Например, резко меняется количественное соотношение женских и мужских правонарушений в сторону увеличения первых, поскольку значительная часть мужчин находится за пределами страны и участвует в боевых действиях. Соответственно, меняется и видовая структура преступности. Напротив, окончание войны и демобилизация сопровождаются, как правило, резким всплеском преступлений. Поскольку в XVIII в. Россия также вела многочисленные войны в основном за пределами страны и с армией, организованной на иных по сравнению с предыдущим периодом принципах, интересно будет выяснить, действовали ли здесь схожие паттерны в отношении преступности.

Исследователь, обращающийся к теме женской преступности в России Нового времени, не всегда может идти проторенной дорогой: пользоваться методами и инструментарием, разработанными западными коллегами, задавать источникам аналогичные вопросы или применять существующие интерпретационные модели. Сравнить ситуацию в России и в Европе можно лишь со значительными оговорками: необходимо учитывать существенную разницу в структуре и социальной организации общества, а также в устройстве судебной системы и, как следствие, в особенностях источников, находящихся в распоряжении историков. Безусловно, каждый из регионов Европы также обладал политической, социальной, культурной и экономической спецификой, повлиявшей на характер преступности и устройство судебной системы, однако существовали и важные факторы, общие для западноевропейских стран, как, например, римское право, лежащее в основе кодексов законов, раннее исчезновение крепостного права, появление рынка свободной рабочей силы, значимость и влияние прессы и общественного мнения, развитая культура рефлексии и письменной фиксации мыслей, выразившаяся в появлении многочисленных философских и иных трактатов, наличие крупных городов с особыми правами и ощутимый контраст между городской и деревенской жизнью, высокий статус Церкви (католической и протестантской) и неподвластность ее государству.

Что касается России, то и в начале, и в конце XVIII в. она переживала серьезные трансформации, касавшиеся и структуры общества, и судебной системы. Тем не менее крепостное право — институт, определявший социальный облик страны и влиявший на все стороны ее жизни, — оставалось нетронутым. Существование крепостного права порождало соответствующие специфические преступления: побеги крепостных от хозяев, бег со сносом, покушения на жизнь помещиков или же попытки их задобрить с помощью «магии», непослушание крепостных и «продерзости» по отношению к господам и т.д. Именно беглые крепостные составляли основу городского преступного мира.

Кроме того, поскольку крепостные считались собственностью помещиков, то последние имели право наказывать провинившихся крестьян самостоятельно, не обращаясь к государству. Иными словами, существование крепостного права фактически выводило от трети до половины населения страны из законных юридических рамок. Это не значит, что дворяне не приводили своих крепостных в судебные органы, напротив, изучение архивных дел показывает, что дворяне охотно прибегали к помощи государства, если видели в этом выгоду. Но это значит, что в отличие от стран Европы, в России значительная часть населения не могла рассчитывать на гарантированное судебное разбирательство

и приговор в соответствии с нормами закона. Для историка это, помимо всего прочего, расширяет «слепую зону» — неизвестное количество случаев, не дошедших до суда, и заставляет в очередной раз оговариваться, что сохранившиеся в архиве и дошедшие до нас дела представляют собой лишь часть, вероятно, малую, всех происходивших конфликтов.

Как известно, Пётр I в начале XVIII в. создал регулярную армию, и это нововведение не было нацелено на изменение социальной структуры общества. Тем не менее фактор крепостного права сказался и здесь, дав неожиданный «побочный эффект». Речь идет о появлении нового и весьма многочисленного социального слоя — военных, в который включались не только военнотруженики, но и их семьи. Рекруты набирались в том числе из крепостных, и по закону и сами новоиспеченные солдаты, и их жены с детьми переставали считаться крепостными. Даже если женщина хотела остаться на прежнем месте жительства, едва ли крестьянская община была заинтересована в такой обузе. Поэтому значительное число женщин, которые остались без мужа, ушедшего на службу, вынуждено было переезжать в города и искать способы прокормить себя и своих детей. Кто-то из них избирал честный заработок, другие вовлекались в незаконные занятия. Новая социальная группа, «солдатки», объединила женщин с разным статусом и материальным положением, а российские города, в особенности Москва, предоставлявшая широкие возможности для трудоустройства, оказались наводнены «мигрантками» из сел и деревень, не вполне понимавшими, как распорядиться обретенной свободой, и особенно уязвимыми для соблазнов городской жизни.

Также нужно сказать и об особенностях организации жизненного пространства в России XVIII в.: если в Европе еще со времен Средневековья город был важным культурным, образовательным, промышленным центром, города имели особый статус и особые права, самоуправление и определенную автономию, то в России схожей городской культуры так никогда и не сложилось. Основная часть населения жила в сельской местности, все города подчинялись единому центру, и до губернской реформы 1775 г. органы самоуправления носили номинальный характер. Москва в это время хоть и потеряла статус столицы, тем не менее осталась крупнейшим и важнейшим городом России, социальный состав которого не был стабилен и однороден. В Москву приходили люди разных социальных и легальных статусов в поиске новой жизни, законного или незаконного заработка, свободы. В силу многочисленности населения здесь легко было затеряться, социальный контроль со стороны сообщества отсутствовал или был минимален из-за частой смены работников и значительных для того времени оборотов экономики рынок труда был сравнительно открытым, наниматели порой не требовали даже минимальной информации о своих потенциальных работниках, а низкий уровень правовой культуры способствовал готовности и тех и других игнорировать государственные установления, касающиеся найма.

В Москве оставались многие властные учреждения, в том числе специализировавшиеся на судопроизводстве, что, казалось бы, должно было обеспечивать большую степень контроля и надзора за маргинальными элементами общества, по сравнению с местными учреждениями (губернскими и воеводскими канцеляриями), в которых судебная власть не была отделена от административной. На практике же в Москве существовали многочисленные профессиональные преступные сообщества, постоянно пополнявшие свои ряды за счет новоприбывших в город «нелегалов», причем основное место дислокации преступников располагалось в нескольких шагах от главного судебнотрудового органа города — Ссыльного приказа.

Другой особенностью российской ситуации, которую необходимо учитывать при изучении преступности, является устройство судебной системы и специфика правовой культуры. Хотя Нэнси Коллманн в своем исследовании и показала, что судебная система в России функционировала достаточно эффективно, правосудие осуществлялось, судьи действовали в рамках закона, а правовая культура вовсе не была столь отсталой и варварской, как принято было думать, все же, по сравнению, например, с английской

судебной системой, наиболее развитой на тот момент, российская была действительно устроена достаточно архаично и примитивно. Если в Англии судьи уже в XVIII в. часто инстинктивно руководствовались принципом невинности человека при недоказанности вины, то в России, напротив, действовала презумпция виновности, и не истцу нужно было доказывать факт совершения преступления, а обвиняемому свою непричастность.

В российских челобитных и «расспросных речах» отсутствует рациональная и четко выстроенная система аргументации, судьи не интересовались убедительностью показаний участников судебного процесса, их поведением в суде, эмоциями, жестами и т.д.; важно было лишь, признается обвиняемый в совершении преступления или нет, подтверждает свидетель позицию истца или обвиняемого или нет. В российских судебных процессах практически никогда не запрашивалось экспертное мнение (исключение составляют лишь случаи предполагаемых самоубийств, когда лекарь осматривал тело и делал заключение о характере смерти — насильственная или ненасильственная, а также случаи, когда обвиняемая заявляла о беременности, и староста женской тюрьмы осматривала ее и сообщала о результатах, и случаи, когда палач осматривал обвиняемого и решал, выдержит он пытку или нет).

Никаких улик и вещественных доказательств в ходе дела, как правило, не фигурировало, за исключением дел о краже и грабеже. Профессиональных юристов в России XVIII в. не существовало, судьи, часто бывшие военные или люди, совмещавшие судебную власть с административной, не пытались осмыслить свою деятельность в категориях гуманности, рациональности, эффективности, они не рассуждали о достоинствах и недостатках существующей системы правосудия, у них не возникало соображений о том, что существующее законодательство устарело и перестало отвечать уровню развития общества. Ценность человеческой жизни была довольно низкой, а потому принцип, согласно которому в случае наличия у судей сомнений лучше оправдать виновного, чем обвинить невинного, в этих обстоятельствах не мог возникнуть.

Третья особенность изучения преступности в России Нового времени связана с характером источников и заключается главным образом в том, что мы не имеем текстов, созданных непосредственно участниками судебных разбирательств. В силу неграмотности подавляющей части населения и установленного порядка судопроизводства челобитные и расспросные речи составлялись исключительно писцом. В тексте допросов обвиняемых и свидетелей, как правило, не прописывались задававшиеся им вопросы, но тем не менее очевидно, что их речь представляла собой именно ответы, а не самостоятельно выстроенный нарратив. С высокой долей уверенности можно предположить, что обстоятельства, не интересовавшие суд и не относившиеся напрямую к преступлению, не заносились в текст допроса. В итоге возможности участников дела выстраивать собственные обвинительные и защитные стратегии сокращались, хотя и не исключались вовсе.

К тому же мы не знаем, существовал ли формуляр допроса, список обязательных вопросов ответчику, нам недоступен конкретный порядок записи показаний. Конечно, указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» в общих чертах регламентировал судебный процесс и устанавливал правила подачи челобитных и поведения в суде, запрещая истцу и ответчику говорить «лишнее», но не поясняя, однако, что именно считалось лишним. Таким образом, мы не знаем, какую информацию полагалось опускать за ненадобностью, какова была допустимая степень подробности фиксации показаний, какие правила существовали относительно цензуры, и т.д. Очевидно, что определенная манера записи показаний имела практические цели: далее с этими текстами знакомились судьи, и они должны были получить четкую, ясную, недвусмысленную информацию, которая поможет вынести верное решение по делу. Однако для историка это незнание «правил игры» представляет значительную трудность, так как нет возможности даже предположить, какая часть информации заносится в документ, а какая остается «за кадром».

Кроме того, поскольку мы имеем дело не с прямой речью, а с вольной фиксацией, фактически пересказом показаний допрашиваемого писцом, то мы упускаем

значительную часть индивидуально окрашенной информации и о стратегиях, которые люди закладывали в свои нарративы, можем судить лишь с большой долей допущения. Более тонкая оптика дискурс-анализа, которую, например, использует Г. Уокер в своей монографии (см. прим. 25), нам недоступна. Так, мы не можем анализировать способы построения фраз, использования определенных слов-маркеров, последовательность изложения, принципы отбора информации и т.д.

Итак, очевидно, что имеющийся в распоряжении исследователя женской преступности в России Нового времени материал не позволяет поставить *все* те вопросы, которые ставят западные историки, и дать на них хотя бы приблизительные ответы. Тем не менее это не значит, что изучение данной темы невозможно или бесперспективно. Российский историк О.Г. Усенко предлагает разделять анализ почерпнутой из судебно-следственных документов информации на два уровня: фактологический, относящийся к выделению и интерпретации очевидных, достоверных и конкретных фактов, и концептуальный, относящийся к интерпретации мотивов, побуждений, личностных установок и т.д. Если использовать такое деление, то можно утверждать, что фактологический уровень, на котором происходит сбор данных о том, какие преступления женщины чаще всего совершали и каков был образ их действий (использование оружия, физической силы, специфической одежды и т.д.); как часто женщины совершали преступления совместно с мужчинами или с другими женщинами; как распределялись роли в преступлениях, совершаемых женщинами совместно с мужчинами, будет одинаково доступен для анализа и в российских, и в европейских источниках. Иными словами, особенности источников и исторического контекста не оказывают никакого влияния на возможности получения базовой информации о женской преступности, «имеющей «привязку» к определенному лицу (лицам), моменту времени, месту и ситуации».

Что касается концептуального уровня, то здесь отсутствие прямой речи и самостоятельно построенного нарратива обвиняемого частично компенсируют «проговорки», т.е. информация, не несущая никакой ценности для говорящего и иногда даже не относящаяся напрямую к предмету разбирательства. Как раз те практики, которые кажутся людям XVIII в. настолько привычными и обыденными, что они упоминают о них лишь мимоходом, представляют особую ценность для исследователя. Чтобы верно истолковывать мотивы женщин-преступниц и судить об их психологических особенностях, несомненно, нужно учитывать всю доступную в каждом конкретном деле информацию, а также опыт изучения других подобных дел. Тем не менее ответы на следующие вопросы, независимо от специфики источников, всегда останутся лишь более или менее близкими к истине предположениями: можно ли выделить специфические женские преступления, и если да, то почему; какие мотивы совершения преступлений были наиболее распространены среди женщин; какие качества демонстрировали или, напротив, не демонстрировали женщины-преступницы (жестокость, хитрость и т.д.); как женщины-обвиняемые вели себя в суде, как оправдывались и какие стратегии защиты использовали; существовали ли какие-то специфически женские стратегии поведения в суде.

Для того чтобы понять, ответы на какие еще вопросы могут дать российские источники, необходимо разобраться в том, как устроены эти источники, и отрефлексировать методологию работы с ними.

В России XVIII в. суд и следствие не были институционально разделены. Дело начиналось либо просто с извета обвинителя, либо с привода обвиняемого в соответствующее учреждение обвинителем, либо с привода обоих на съезжий двор дежурным солдатом вследствие уличной потасовки и «кричания «караул»» одним из них. Так или иначе, первый документ, с которым имеет дело историк при изучении судебно-следственного дела, — это показания обвинителя. Далее следуют «расспросные речи», т.е. допрос обвиняемого. Допрос, как уже говорилось выше, представлял собой сплошной текст, повествование в котором начиналось буквально с рождения обвиняемого. Он/она должны были сообщить свое имя, возраст, социальную принадлежность свою и своих родителей, семейное положение,

место рождения, актуальное место жительства и краткую автобиографию, включая данные о предыдущих «приводах». И только после всего этого подьячий, ведущий допрос, переходил к обстоятельствам рассматриваемого дела.

Очевидно, что такая форма допроса расширяет возможности исследователя: данные о личности преступника не ограничены рамками конкретного дела, в нашем распоряжении есть информация, позволяющая реконструировать его/ее обстоятельства жизни и возможные мотивы совершения преступления. Если вернуться к теме женской преступности, то благодаря информации о прошлом преступниц мы можем говорить о том, что подталкивало женщин к совершению преступлений; женщины, принадлежащие к каким социальным и возрастным группам, были более склонны к преступному поведению и почему; влияло ли семейное положение на преступное поведение женщин; существовала ли профессиональная женская преступность; наконец, как устройство общества влияло на тенденции женской преступности и как на них отражались глобальные процессы и внутригосударственные преобразования, и т.д.

Следующим этапом шел допрос свидетелей, которых назвали стороны. После этого, за редким исключением²⁸, в деле идут «пыточные речи»²⁹, т.е. показания, данные обвиняемым под пытками. По закону обвиняемый должен был пройти через пытку трижды, чтоб «утвердиться» в своих показаниях. В том случае, если он/она менял(а) показания во время пытки, то процесс начинался сначала и обвиняемому снова предстояло выдержать три пытки. На данном этапе могут быть поставлены новые вопросы касательно поведения обвиняемых в суде и влияния гендера на ход следствия: склонны ли были женщины признавать свою вину; пытались ли они спекулировать беременностью или забеременеть в заключении, чтоб избежать пытки и смягчить наказание; как часто женщины меняли показания; предусматривал ли закон послабления для женщин в отношении пыток и наказания; делалось ли послабление для женщин на практике.

Кроме этих основных этапов и документов, обязательной частью каждого дела являлись: постановление о проведении пытки, осмотр обвиняемого перед ней, выписки из законов перед вынесением вердикта, а факультативной — повторные допросы обвинителя и свидетелей, челобитные обвинителя (например, о том, что он/она отказывается от претензий к обвиняемому, или о том, что дело затягивается без видимых причин), обвиняемого (например, о том, что он/она «безвинно» сидит в колодничьей избе и «помирает голодной смертью») или третьих лиц (к примеру, мужей, заступающихся за своих жен). Все эти дополнительные элементы судебного дела позволяют увидеть за сухими и формализованными допросами и постановлениями реакции, отношения, поведение, стратегии реальных людей, выводят на сцену скрытые до этого интересы, факты и взаимосвязи. Кроме того, как отмечает А.Б. Каменский, когда дело вдруг резко меняет направленность и происходит неожиданная развязка, историк имеет все основания предполагать, что участники дела (или участник дела и служащий судебного учреждения) достигли некоего соглашения, которое не было зафиксировано в деле и скорее всего не являлось вполне законным³⁰. Таким образом, «белые пятна», умолчания в источниках парадоксальным образом сообщают исследователю определенную информацию.

Далее следовали вердикт судей и исполнение приговора. На этом заключительном этапе мы можем узнать, как к женщинам, нарушавшим закон, относилось государство,

²⁸ От пытки освобождались беременные женщины, а также, как правило, малолетние, старики, больные и люди, находившиеся в плохом физическом состоянии. Подробнее см.: *Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4 (1). С. 9–22.

²⁹ После 1763 г. пытки постепенно перестают применяться, соответственно меняется и структура судебно-следственного дела. См.: *Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают». Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. С. 15–39.

³⁰ *Каменский А.Б.* Любовь, страсть и отчаяние... С. 99–100, 105–107.

причем нужно разделять законодательные нормы и практику правоприменения. Как показывают Г. Дарстон и К. Каллахан, английские судьи в делах об убийствах были склонны расценивать действия женщин как непредумышленные, в отличие от действий мужчин, часто руководствуясь при этом гендерными стереотипами, представляющими женщину более слабой физически, неразумной и, следовательно, менее опасной для общества, что на практике выливалось в гораздо более высокий уровень оправдательных приговоров для женщин, по сравнению с мужчинами³¹.

Таким образом, изучение женской преступности в России XVIII в. не только возможно, но и вполне перспективно. Эта тема еще совсем не освоена, и берущийся за нее исследователь может и должен обращаться к опыту западных коллег. Тем не менее необходимо учитывать и постоянно держать в уме разницу между российским и европейским историческим контекстом, равно как и между характером источников. При правильном подходе сопоставление женской преступности в России и в Европе открывает для историка возможность взглянуть на российское общество и государство выбранного периода под новым углом. Для этого необходимо выявить, какие виды преступлений и способы их совершения были характерны именно для женской преступности в России и как это было связано с особенностями ее социального, политического и экономического устройства, какие особенности общественных трансформаций способствовали развитию преступности, а какие его тормозили, существовали ли какие-либо особенности в восприятии преступности государством и рядовыми обывателями. Также изучение женской преступности дает богатый материал по практике правоприменения, позволяет проследить, почему одного оправдывали и миловали, в то время как другого осуждали и сурово карали. Наконец, изучение женской преступности позволяет значительно дополнить и расширить существующее представление о той роли, которую играла женщина в русском обществе XVIII в.

Библиография

- Акельев Е.В.* Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.
- Акельев Е.В.* «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида» // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 257–304.
- Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4 (1). С. 9–22.
- Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают». Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. С. 15–39.
- Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
- Видничук А.О.* Штрихи к социальному портрету русской преступницы 30-х гг. XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 6 (92).
- Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
- Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
- Дюркгейм Э.* Правила социологического метода. М., 2021.
- Каменский А.Б.* Любовь, страсть и отчаяние – русские преступления XVIII века. СПб., 2022.
- Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2007.
- Кивельсон В.* Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб., 2020.
- Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.
- Косарецкая Е.Н.* Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Кашелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.
- Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.
- Ломброзо Ч., Ферреро Г.* Женщина преступница и проститутка. Киев; Харьков, 1897.

³¹ *Callahan K.* Women Who Kill: An Analysis of Cases in Late Eighteenth- and Early Nineteenth-Century London // *Journal of Social History*. Vol. 46. № 4. 2013. P. 1013–1038; *Durston G.* Op. cit. Ch. 3.

- Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. СПб., 2000. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 5, 7, 10. СПб., 1830.
- Пушкарёва Н., Белова А., Мицюк Н.* Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2021.
- Репина Л.П.* Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
- Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд. М., 2009.
- Ролдугина И.* Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. 2016. № 2. Р. 29–69.
- Смелянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.
- Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы; Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб., 1902.
- Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.
- Тройницкий А.Г.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи: статистическое исследование. СПб., 1861.
- Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015.
- Усенко О.Г.* Примерная стратегия интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // *Народ и власть: исторические источники и методы исследования. Материалы XVI науч. конференции, Москва, 30–31 января 2004 г.* М., 2004.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- Шербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XIX в. Тамбов, 2004.
- Becker H.S.* *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance.* New York, 1963.
- Briggs J.* *Crime and Punishment in England: an Introductory History.* London, 1996.
- Callahan K.* *Women Who Kill: An Analysis of Cases in Late Eighteenth- and Early Nineteenth- Century London* // *Journal of Social History*. 2013. Vol. 46. № 4. P. 1013–1038.
- Durston G.* *Victims and Viragos: Metropolitan Women, Crime and the Eighteenth-Century Justice System.* Bury St Edmunds (UK), 2007.
- Emsley C.* *Crime and Society in England 1750–1900.* Harlow; New York, 2005.
- Heijden M.P.C. van der.* *Women and Crime in Early Modern Holland.* Leiden; Boston, 2016.
- Hurl-Eamon J.* *Female Criminality in the British Courts from the Middle Ages to the Nineteenth Century* // *Journal of Women's History*. 2009. Vol. 21. № 3. P. 161–169.
- Hurl-Eamon J.* *Gender and Petty Violence in London, 1680–1720.* Columbus, 2005.
- Ingram M.* “Scolding women cucked or washed”: a crisis in gender relations in early modern England? // *Kermode J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England.* Chapel Hill, 1994. P. 47–79.
- MacKay L.* *Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789* // *Journal of Social History*. 1999. Vol. 32. P. 623–639.
- Muravyeva M.* *The Culture of Complaint: Approaches to Complaining in Russia – an Overview* // *Laboratorium*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 93–104.
- Muravyeva M.* “Till Death Us Do Part”: spousal homicide in early modern Russia // *History of the Family*. 2013. Vol. 18. № 3. P. 306–330.
- Palk D.* *Gender, Crime and Judicial Discretion, 1780–1830.* Woodbridge, 2006.
- Rublack U.* *The crimes of women in early modern Germany.* Oxford, 1999.
- The Oxford Handbook of Gender, Sex, and Crime* / eds R. Gartner, B. McCarthy. Oxford, 2014.
- Walker G.* *Women, theft and the world of stolen goods* // *Kermode J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England.* Chapel Hill, 1994. P. 81–112.
- Walker G.* *Crime, gender, and social order in early modern England.* Cambridge, 2003.
- Zemon Davis N.* *Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France.* Stanford (CA), 1987.

References

- Akel'ev E.V.* Gorodskaya prestupnaya sreda i opyt bor'by s nej v Rossii i Frantsii pervoi poloviny XVIII v.: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie: dis. ... kand. ist. nauk [Urban criminal environment and the experience of combating it in Russia and France in the first half of the 18th century: a comparative historical study: dis. ... candidate of Historical Sciences]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Akel'ev E.V.* Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina [Everyday life of the thieves' world in Moscow during the time of Vanka Cain]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Akel'ev E.V. “Sychik iz vorov” Van’ka Kain: anatomiya “gibrida” [“Detective from thieves” Vanka Cain: anatomy of a “hybrid”] // *Ab Imperio*. 2018. № 3. S. 257–304. (In Russ.)

Akel'ev E.V., Babkova G.O. Praktika rozysknogo protsessa v Sysknom prikaze (1730–1750-e gg.) [The practice of investigation in the Investigative Chancellery (1730s–1750s)] // *Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs* [Historical-legal problems: a new perspective]. 2011. № 4 (1). S. 9–22. (In Russ.)

Akel'ev E.V., Babkova G.O. “Daby rozyski i pytki mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut”: Evolyutsiya teorii i praktiki “rozysknogo” protsessa v Rossii pervoi poloviny XVIII v. [“For the right providing of investigations and tortures, as decrees command”. The evolution of the theory and practice of the “investigative” process in Russia in the first half of the 18th century] // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. S. 15–39. (In Russ.)

Anisimov E.V. Dyba i knut: politicheskij sysk i russkoe obschestvo v XVIII veke [Rack and whip: political investigation and Russian society in the 18th century]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Durkheim E. Pravila sotsiologicheskogo metoda [Rules of sociological method] / per. s frantsuzskogo V. Zhelminova. Moskva, 2021. (In Russ.)

Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Kamenskiy A.B. Lyubov', strast' i otchayanie – russkie prestupleniya XVIII veka [Love, passion and despair are Russian crimes of the 18th century]. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Kamenskiy A.B. Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatelei. Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII v. [Everyday life of Russian urban dwellers. Historical anecdotes from the provincial life of the 18th century]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kivel'son V. Magiya otchayaniya. Moral'naya ehkonomika koldovstva v Rossii XVII veka [Desperate magic. The moral economy of witchcraft in 17th century Russia]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Kollmann N.Sh. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni [Crime and punishment in early modern Russia]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Kosaretskaya E.N. Zhenskaya prestupnost' v Orlovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk [Female criminality in the Oryol province in the second half of the 19th – early 20th centuries: dis. ... candidate of Historical Sciences]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kosheleva O.E. Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni [People of the St. Petersburg Island of the Petrovsky time]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Lavrov A.S. Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg. [Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Lombrozo Ch., Ferrero G. Zhenschina prestupnitsa i prostitutka Criminal woman, the prostitute, and the normal woman] / per. (i predisl.) d-ra G.I. Gordona. Kiev; Khar'kov, 1897. (In Russ.)

Merton R. Sotsial'naya struktura i anomiya [Social Structure and Anomie] // *Sotsiologiya vlasti*. 2010. № 4. S. 212–223. (In Russ.)

Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XIX v.). T. 1. [Social history of Russia in the period of the empire (18th – early 19th century)]. Sankt-Peterburg, 2000. (In Russ.)

PSZRI. Sobranie 1-e. T. 5, 7, 10 [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1st. Vol. 5, 7, 10]. Sankt-Peterburg, 1830. (In Russ.)

Pushkareva N., Belova A., Mitsyuk N. Smetaya zaprety. Ocherki russkoi seksual'noi kul'tury XI–XX vekov [Sweeping prohibitions. Essays on Russian sexual culture in the 11th–20th centuries]. Moskva, 2021.

Repina L.P. Zhenschiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropejskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya [Women and men in history. A new picture of the European past. Essays. Reader]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Repina L.P. “Novaya istoricheskaya nauka” i sotsial'naya istoriya [“New Historical Science” and Social History]. 2-e izd. Moskva, 2009. (In Russ.)

Roldugina I. Otkrytie seksual'nosti: Transgressiya sotsial'noi stikhii v seredine XVIII v. v Sankt-Peterburge: po materialam Kalinkinskoi komissii (1750–1759) [Discovery of sexuality. Transgression of the social element in the middle of the 18th century in St. Petersburg: based on the materials of the Kalinkin Commission (1750–1759)] // *Ab Imperio*. 2016. № 2. P. 29–69. (In Russ.)

Scherbinin P.P. Voennyj faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenschiny v XVIII – nachale XIX v. [The military factor in the daily life of a Russian woman in the 18th – early 19th centuries]. Tambov, 2004. (In Russ.)

Smilyanskaya E.B. Volshhebniiki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i “dukhovnye prestupleniya” v Rossii XVIII v. [Wizards. Blasphemers. Heretics. Folk religiosity and “spiritual crimes” in Russia in the 18th century]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Tarnovskaya P.N. Zhenschiny-ubiitsy; Antropologicheskoe issledovanie s 163 risunkami i 8 antropometricheskimi tablitsami [Killer women; Anthropological study with 163 drawings and 8 anthropometric tables]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russ.)

- Troinitskii A.G.* Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-i narodnoi perepisi: statisticheskoe issledovanie [Serf population in Russia according to the 10th national census: a statistical study]. Sankt-Peterburg, 1861. (In Russ.)
- Tyonnis F.* Obschnost' i obschestvo. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii [Community and society. Basic Concepts of Pure Sociology] / per. s nemetskogo D.V. Sklyadneva. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)
- Usenko O.G.* Primernaya strategiya interpretatsii sledstvennykh materialov po delam o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii XVII–XVIII vv. [Approximate strategy for interpreting investigative materials in cases of state crimes in Russia in the 17th–18th centuries] // *Narod i vlast': istoricheskie istochniki i metody issledovaniya. Materialy XVI nauch. konf.*, Moskva, 30–31 yanvarya 2004 g. [People and power: historical sources and research methods. Materials of the XVI Scientific Conference, Moscow, January 30–31, 2004]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Uvarov P.Yu.* Mezhdru "iezhami" i "lisami". Zametki ob istorikakh [Between hedgehogs and foxes. Notes on historians]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Vidnichuk A.O.* Shtrikhi k sotsial'nomu portretu russkoi prestupnitsy 30-kh gg. XVIII v. [Strokes to the social portrait of a Russian female criminal of the 1730s] // *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational magazine "History"]. 2020. T. 11. № 6 (92). (In Russ.)
- Vodarskiy Ya.E.* Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka [The population of Russia at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Wirtschaftler E.K.* Sotsial'nye struktury: raznochintsy v Rossijskoi imperii [Structures of society: Imperial Russia's "people of various ranks"]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Becker H.S.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963.
- Briggs J.* Crime and Punishment in England: an Introductory History. London, 1996.
- Callahan K.* Women Who Kill: An Analysis of Cases in Late Eighteenth- and Early Nineteenth Century London // *Journal of Social History*. 2013. Vol. 46. № 4. P. 1013–1038.
- Durston G.* Victims and Viragos: Metropolitan Women, Crime and the Eighteenth-Century Justice System. Bury St Edmunds (UK), 2007.
- Emsley C.* Crime and Society in England 1750–1900. Harlow; New York, 2005.
- Heijden M.P.C. van der.* Women and Crime in Early Modern Holland. Leiden; Boston, 2016.
- Hurl-Eamon J.* Female Criminality in the British Courts from the Middle Ages to the Nineteenth Century // *Journal of Women's History*. 2009. Vol. 21. № 3. P. 161–169.
- Hurl-Eamon J.* Gender and Petty Violence in London, 1680–1720. Columbus, 2005.
- Ingram M.* "Scolding women cuckold or washed": a crisis in gender relations in early modern England? // *Kermode J., Walker G.* Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 47–79.
- MacKay L.* Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789 // *Journal of Social History*. 1999. Vol. 32. P. 623–639.
- Muravyeva M.* The Culture of Complaint: Approaches to Complaining in Russia – an Overview // *Laboratorium*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 93–104.
- Muravyeva M.* "Till Death Us Do Part": spousal homicide in early modern Russia // *History of the Family*. 2013. Vol. 18. № 3. P. 306–330.
- Palk D.* Gender, Crime and Judicial Discretion, 1780–1830. Woodbridge, 2006.
- Rublack U.* The crimes of women in early modern Germany. Oxford, 1999.
- The Oxford Handbook of Gender, Sex, and Crime / eds R. Gartner, B. McCarthy. Oxford, 2014.
- Walker G.* Women, theft and the world of stolen goods // *Kermode J., Walker G.* Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 81–112.
- Walker G.* Crime, gender, and social order in early modern England. Cambridge, 2003.
- Zemon Davis N.* Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France. Stanford (CA), 1987.